

ЗНАЧЕНИЕ ПРИМЕРОВ В ФИЛОСОФИИ КАРЛА ГЕМПЕЛЯ*

Серкова Вера Анатольевна – доктор философских наук, профессор. Высшая школа общественных наук Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Российская Федерация, 195251, г. Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29; e-mail: henrypooshel@rambler.ru

Целью статьи является анализ значения примеров в работах К. Гемпеля. Гемпель использует множество примеров, ссылающихся на показания магнитной стрелки, горение белого фосфора, предсказания свойств некоторых элементов таблицы Менделеева, на астрофизические гипотезы, сроки полного солнечного затмения, выбрасывание игральные костей, а также на неженатых мужчин, на белых и черных лебедей, зеленых русалок, черных воронов и белых башмаков, голубых роз, прогнозы выздоровления Джонса, извержение Везувия, убийство Юлия Цезаря и прочие «частные случаи», и «конкретные факты». Ставится вопрос о том, являются ли примеры простым иллюстративным материалом, формой аргументации; способом верификации идей Гемпеля, их «наглядным подтверждением», и в этом смысле определенной эмпирической базой исследования. Показана необходимость анализа конкретных примеров в контексте теоретических исследований Гемпеля, для которых примеры оказываются поводом для исследования логики подтверждения и логики объяснения, для анализа структур эксплананса и экспланандума, для понимания различий в индуктивных и дедуктивных логических построениях и для анализа «квази-индукции». В статье рассматривается знаменитый пример Гемпеля, – парадокс воронов, названный в его честь и являющийся своеобразной логической провокацией.

Ключевые слова: Карл Гемпель, примеры, эмпирическое содержание, индуктивный метод, парадокс воронов, теория истины

THE IMPORTANCE OF EXAMPLES IN THE PHILOSOPHY OF CARL HEMPEL

Vera A. Serkova – DSc in Philosophy, Professor. Graduate School of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnicheskaya St., Saint Petersburg 195251, Russian Federation; e-mail: henrypooshel@rambler.ru

The purpose of the article is to analyze the meaning of examples in C. Hempel's works. Hempel uses many examples referring to readings of magnetic hand, burning of white phosphorus, predictions of properties of some elements of the table of Mendeleev, to astrophysical hypotheses, terms of total solar eclipse, throwing of dice, as well as on unmarried men, on white and black swans, green mermaids, black crows and white shoes, blue roses, predictions of Jones' recovery, the eruption of Vesuvius, the assassination of Julius Caesar, and other "special cases" and "concrete facts". The question is raised as to whether the case studies are mere illustrative material, a form of argumentation; a way of verifying Hempel's ideas, their "demonstrable confirmation", and in this sense a definite empirical basis for the study.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01014, <https://rscf.ru/project/24-28-01014/>. The research was supported by RSF No. 24-28-01014, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01014/>

The necessity of analyzing concrete examples in the context of Hempel's theoretical research is shown, for which the examples turn out to be an occasion for investigating the logic of confirmation and the logic of explanation, for analyzing the structures of explanans and explanandum, for understanding the differences in inductive and deductive logical constructions, and for analyzing "quasi-induction". The paper discusses Hempel's famous example, the crow paradox, which is named in his honor and is a kind of logical provocation.

Keywords: Carl Hempel, examples, empirical content, inductive method, raven paradox, truth theory

Введение

Еще будучи в Берлине аспирантом Г. Рейхенбаха, Карл Гемпель начал принимать участие в заседаниях Венского кружка, которые проходили в атмосфере совместного обсуждения, когда, как вспоминал Р. Карнап, «каждый вносит только то, что он может одобрить и оправдать перед всем коллективом своих коллег» [Carnap, 1967, p. xvii]. В Венском кружке докладывали по правилам строгого, доказательного, и подтверждённого наблюдениями анализа. Стиль изложения участников заседаний не в последнюю очередь определялся эмпирическими доводами, и это подтверждается огромным количеством примеров, которые они используют, включая К. Гемпеля.

Можно сказать, что Гемпель «мыслит примерами», он часто подкрепляет свои рассуждения выражениями «как следует из этих примеров»; «как показывают предыдущие примеры», «обратимся к примеру», «например». Примеры встречаются в таких статьях Гемпеля, как «Теория истины логического позитивизма» (1935); «Некоторые замечания по поводу "фактов" и пропозиций» (1935); «Несколько замечаний по поводу эмпиризма» (1936); «Проблема истины» (1937); «Определение понятия "степень подтверждения"» (совместно с П. Оппенгеймом) (1945); «Функция общих законов в истории» (1942), «Исследования логики подтверждения» (1945), «Исследования в области логики объяснения» (1948); «Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении» (совместно с П. Оппенгеймом) (1948); «Дилемма теоретика: Исследования логики построения теории» (1958); «Современные проблемы индукции» (1966); «О когнитивном статусе и обосновании научной методологии» (1988); «Неочевидность концепта истины» (1990) и в др. его работах.

Основная черта примеров, которые использует Гемпель, – их простота, даже тривиальность, что, однако, не мешает им в исключительных случаях стать образцом постановки теоретической проблемы, как в его знаменитом парадоксе воронов. Примеры часто вводят конкретный материал, который следует теоретически объяснить, они

используются и для прояснения идеи, и как способ аргументации, и как основа теоретического моделирования. Пример в текстах К. Гемпеля может быть описанием определенного случая и подтверждающим свидетельством гипотезы. И это далеко не все возможные варианты применения примеров Гемпелем. Многие из его оппонентов в спорах с ним также прибегают к примерам, чтобы проиллюстрировать и подкрепить тот или иной свой аргумент.

Еще И. Кант комментировал причины использования примеров в философии: «что касается ясности, то читатель имеет право требовать прежде всего дискурсивной (логической) ясности посредством понятий, а затем также интуитивной (эстетической) ясности посредством созерцаний, т.е. примеров или других пояснений *in concreto*» [Кант, 2006. с. 21]. Правда, последний способ изложения Кант считал признаком понимания «низшего» порядка, нуждающегося в иллюстрации, в наглядном свидетельстве как «последнем аргументе» подтверждения того или иного теоретического положения. Об ограниченности убеждения, основанного на примерах и привязанного к ним, рассуждали и Платон, и Кант, и Гегель, показывая, как быстро выдыхается «истина чувственной достоверности» [Гегель, 2000, с. 56].

Иногда Гемпель специально поясняет, почему он обращается к примерам. В статье «Несколько замечаний по поводу эмпиризма» он замечает, что пример позволит «проиллюстрировать возможность проверки некоторых утверждений» [Hempel, 2000, p. 31], в «Логике подтверждения» пример «служит подтверждающим случаем для гипотезы» [Гемпель, 1998, с. 48, 190]. Гемпель использует выражения «подтверждающий эффект», «подтверждающая сила», «подтверждающие данные», «адекватная иллюстрация» для какого-то теоретического положения. Бывает, что пример «не выдерживает критики» [Hempel, 2000, p. 31]. В «Проблемах истины» пример демонстрирует возможность прямой непосредственной проверки гипотезы [Ibid., p. 38]. В «Дилемме теоретика» Гемпель также дает разъяснения по поводу привлечения примера: «в качестве иллюстрации я использую пример, по необходимости упрощенный, для того чтобы более ясно выразить суть дела» [Гемпель, 1998, с. 200]. В этой же работе на примере раскрывается содержание теоретического термина [Там же, с. 171]. Пример может отсылать к «сосуществующим эмпирическим фактам» или быть выражением экстенциональной «соотнесенности с фактами» [Там же, с. 172]. В физике и психологии (самых успешных для Гемпеля науках) примеры становились «иллюстрацией основного принципа» [Там же, с. 187]. Пример может стать подручным средством аргументации, способом верификации или фальсификации гипотезы, или, как предпочитает выражаться Гемпель, «законоподобного высказывания». В отличие от факта пример имеет целью подтверждение правдоподобности или, наоборот, несостоятельности конкретного суждения, умозаключения, гипотезы, предположения

и является, поэтому, не случайной, а целенаправленной выборкой из множества наблюдений, экспериментальных данных и т.п. Главная методологическая проблема для логических эмпиристов – сохранить фактичность в стерильном «природном» состоянии, «по ту сторону объяснения». Пример, напротив, всякий раз предполагает включенность в объясняющую конструкцию.

Примеры могут быть банальными и остроумными, наследуемыми, перемещающимися из одного текста в другой, но могут заменяться на свои собственные, более удачные, индивидуальные. Придумать хороший подходящий и неожиданный пример, – большая удача для аналитика. Так Дж.С. Милль в «Системе логики», демонстрируя ограниченность метода индукции, говорит, что жителю центральной Африки до появления там европейцев ни один факт не казался бы столь же безупречным, «как тот, что все человеческие существа черны» [Милль, 1865, с. 361]. Обычно такие примеры запоминаются и обсуждаются другими исследователями. Пример может быть очень простым, тривиальным, но вести к неразрешимому противоречию, как в парадоксе воронов, или парадоксе подтверждения, который сформулировал Гемпель.

Примеры по преимуществу – это остенсивные (демонстративные) способы применения какого-то теоретического принципа. Но иногда, как в случае с Гемпелем, они являются еще и материалом для мысленного эксперимента или моделирования явления. Если предположить, что использование примеров не сводятся только к иллюстрации теоретических положений, и что примеры становятся в некоторых случаях поводом к перепроверке «логики подтверждения» и «логики объяснения», – это усложняет их значение для теории в целом. В этом отношении важно выявить конкретный теоретический контекст употребления того или иного примера в текстах Гемпеля 30–50-х гг., в период формирования его основных идей. Целью нашего исследования является контекстуальный анализ использования обширного фактологического материала, который проясняет важные пункты теории К. Гемпеля.

Теоретический контекст |использования примеров

Проблемное поле исследований Гемпеля можно представить в следующих рубриках: это теория (логика) объяснения в структурах эксплананса и экспланандума; статистически-вероятностная модель подтверждения; индукция и квази-индукция; «индуктивные риски» подтверждения гипотезы и ее экзистенциальный смысл; онтологические обязательства теории; верификация и фальсификация теории;

проблема истины и ее модификации; наблюдаемые и теоретические сущности и отношение эмпирических и теоретических терминов; парадокс подтверждения.

Обобщая, можно сказать, что предметом исследований Гемпеля является анализ процедуры научного объяснения, его структуры, критериев подтверждения и способов обоснования. Можно предположить, что введение в философское исследование примеров для Гемпеля связано с проблематикой отношения эмпирического и теоретического содержания в научном исследовании. Примеры в его работах можно рассматривать как своеобразный способ постановки проблемы или как повод для проверки теории.

В совместной с П. Оппенгеймом статье «Логика объяснения» Гемпель после небольшого введения приводит описание «неестественного» поведения ртутного столбика термометра, опущенного в горячую воду, когда он сначала ползет вниз, а затем резко поднимается вверх. Затем следуют примеры искривленного вида весла в воде, автомобиля, перевернувшегося на высокой скорости, растворяющегося в воде куска сахара и др. Эти примеры являются поводом к тому, чтобы дать разумное объяснение странного поведения разных объектов, и, тем самым, ввести в контекст теоретического разъяснения этих сложных случаев. С точки зрения Гемпеля, дать научное объяснение какому-то явлению – значит выйти за пределы простого описания и подвести его под универсальный закон. Интуитивно этот процесс кажется ясным, по крайней мере тем, кто успешно освоил курс физики в школе. Однако Гемпель постепенно переходит к такому уровню аналитики, на котором «идея интуитивного объяснения обычно становится слишком неопределенной реконструкции» [Гемпель, 1998, с. 127]. Такая реконструкция для него возможна на двух принципиально различающихся уровнях, – эксплананса и экспланандума, при этом эксплананс должен иметь эмпирическое содержание, принципиально проверяемое в эксперименте или наблюдении, данным в фактуально подтверждаемых предложениях, формой которых может стать пример: «Мы разделяем объяснение на две основные составляющие – экспланандум и эксплананс. Под объяснением мы понимаем предложение, описывающее объясняемое явление» [Hempel, 1965, p. 247]. Д. Ким, проясняя структуру эксплананса, обращает внимание на то, что в нем объяснение строится как отношение конкретного физического закона, конкретного наблюдения и их связки, где пример выступает в роли «референтного выражения» [Kim, 1969, p. 200].

Гемпель исследует «специфические и сложные логические проблемы», возникающие в экспланансе при переходе от описания конкретного события к его обоснованию «в контексте какой-либо общей теории» [Гемпель, 1998, с. 106]. Эксплананс способствует установлению «систематических связей среди эмпирических данных нашего

опыта» [Гемпель, 1998, с. 131], в то время, как экспланандум осуществляет «дедуктивную систематизацию» законоподобных высказываний [Там же, с. 148]. Можно предположить, что примеры играют роль «эмпирической базы» эксплананса, на которой строится конкретное теоретическое обобщение, и, сформированная на основании индукции (как совокупности непротиворечащих один другому примеров) модель охватывающих законов является дедуктивной формой объяснения конкретного эмпирического случая. Но не выходит ли так, что «степень подтверждения» относится к индуктивной логике, в то время как законы формулируются в форме дедуктивных отношений, что отражает противоречия, связанные с неполнотой и относительностью знания в целом. В «Логике объяснения» отношение дедуктивного и индуктивного методов становится важной темой исследования Гемпеля. Для Гемпеля это вопрос том, как происходит «комбинирование всех общих высказываний в конъюнкцию Т (теории)» и как соединяются конкретное явление и «фундаментальные законоподобные высказывания» [Там же, с. 118].

«Риски индуктивной логики».

Квази-индукция

Дж.С. Милль в «Системе логики» дает удачное определение индукции, восходящее к Ф. Бэкону: «наведение через простое перечисление, в котором не встречается случаев противоречивых... Оно состоит в приписывании характера общих истин всем предложениям, которые истинны во всяком, случайно известном нам примере» [Милль, 1865, с. 362].

Гемпель формулирует «комплексную проблему индукции», в которой пример является важным элементом «логики подтверждения»: «Так называемый метод индуктивного вывода обычно представляется как движение от отдельных случаев к общей гипотезе, по отношению к которой каждый отдельный случай является “примером” в том смысле, что он подтверждает общую гипотезу и таким образом образует для нее подтверждающее свидетельство» [Гемпель, 1998, с. 34]. Об индуктивной логике как практике изучения «абстрактные принципов с помощью самых лучших известных мне примеров» говорил еще Милль [Милль, 1896, с. 142]. Но применительно к индуктивному методу возникает известное «недоразумение», которое сформулировал А. Вальд и на которое ссылается в «Дилемме теоретика» Гемпель. Суть его состоит в том, что «правила для установления связи между идеализированными объектами теории и объектами реального мира «всегда будут неточны и никогда не могут составить часть самой теории» [цит. по: Гемпель, 1998, с. 198]. И тем не менее, Гемпель

стремится сформулировать эти правила или, по крайней мере, схематично определить структуру индуктивного порядка¹. И это приводит его к парадоксальным результатам. Недооцененное открытие Гемпеля состоит в том, что он обнаруживает, что конструкция объяснения включает, помимо дедуктивных, «квази-индуктивные» шаги. Он употребляет выражение «квази-индукция» для того, чтобы подчеркнуть, что процесс объяснения, содержащий ряды отчетов наблюдений, «логически более сложен, чем дедуктивный вывод... Этот процесс можно назвать квази-индукцией» [Гемпель, 1998, с. 35]. В «Логике подтверждения» Гемпель дает разъяснение по этому поводу: «приставка квази используется для того, чтобы противопоставить рассматриваемую процедуру так называемой индукции, которая обычно предполагается как метод открытия, или вывода, общих регулярностей на основании конечного числа примеров. В квази-индукции гипотеза не «открывается», а *предоставляется* в дополнение к отчету о наблюдении» [Там же, с. 65–66]. Если мы правильно понимаем Гемпеля, он считает, что переход от непротиворечащих одно другому наблюдений к «законоподобным утверждениям» осуществляется индуктивным способом, однако полагаются на них как на дедуктивное основание. Но не должна ли тогда характеристика «квази-» относиться не к индукции, ведь она здесь выступает в своем обычном качестве бесконечного, и – *на данный момент* – непротиворечивого ряда подтверждающих свидетельств, а к дедукции, в которой гипотеза и выступает в роли квази-закона?² На это в работе 1946 г. «Вопрос о подтверждении» обратил внимание Н. Гудмен. Он полагает, что индуктивное обобщение связывает то, что уже произошло с тем, что еще предстоит, и предсказание по сути опирается на правила дедуктивной силлогистики («дедуктивной практики») [Goodman, 1946, p. 383–385].

У. Куайн в комментариях к исследованиям Гемпеля видит источник всех сложностей, связанных с проблемами индукции, в том, что «стандарты подобия» являются различными для теоретического и интуитивного мышления и приводит пример с летучей мышью, которую относят к семейству сумчатых, наряду с кенгуру и опоссумом, хотя она более похожа на обычную мышь, причисляющуюся к другому семейству [Quine, 1969, p. 15]. Р. Джефри в статье «Статистическое объяснение vs статистический вывод» отмечает, что индуктивные

¹ Критики Гемпеля, в частности У. Сэлмон, приходят к выводу о бесперспективности модели объяснения, основанной на индуктивной логике, хотя и соглашается с тем, что индуктивная логика «обеспечивает основу для умозаключений, которая является некоторым улучшением по сравнению с полным незнанием» [Salmon, 1969, p. 73].

² В «Дилемме теоретика» Гемпель заменяет понятие «квази-индукция» на понятие «частичная интерпретация» [Гемпель, 1998, с. 35].

умозаключения только в некоторых случаях могут рассматриваться как выводы. Он приводит иронический пример в поддержку мнения, что «неправильно считать статистическое умозаключение объяснением вообще»: возможны два ответа на вопрос, почему его первый ребенок оказался мальчиком: «Статистический ответ: “нет никакой чертовой причины – это была чистая случайность” и каузальный: “потому что зародышевая клетка имела генотип Y”». Оба верны, когда процесс имеет статистическую вероятностную природу и по сути оба совпадают по смыслу: все происходит “случайным образом» [Jeffrey, 1969, p. 110].

В «Логике подтверждения» Гемпель исследует отношение степеней эмпирического подтверждения и возможность строить на их основании обобщающие и предсказательные суждения и приходит к выводу, что наличие множества подтверждений гипотезы не отменяет возможности случайных обобщений. Н. Решер в комментариях к этим исследованиям Гемпеля приводит свой пример подобного рода: «Все американские президенты – уроженцы континентальной части США», – даже если эта закономерность имеет место в реальной истории, она относится к классу случайных событий, лишенных предсказательной силы [Rescher, 1969, p. 178]. Ссылаясь на исследования Р. Карнапа, Гемпель предлагает различать степень подтверждения и вероятность гипотез. Действительно, частотность (число подтверждающих и опровергающих случаев) и вероятность (сама возможность) явления – принципиально разные его характеристики. Эту идею Гемпеля развивает У. Селларс в статье «Существуют ли недедуктивные логики?». В сборнике, посвященном юбилею К. Гемпеля, он осуществляет попытку преобразования индуктивного (вероятностного) аргумента в «хороший вероятностный аргумент» на конкретном примере: «Собираются черные тучи. Значит (вероятно), скоро пойдет дождь». Показателем дедуктивной несостоятельности в этом случае является наличие парентетического («вероятностного») комментария вместо дедуктивно необходимого «обязательно». В окончательном виде хороший вероятностный аргумент будет формулироваться таким образом: «Когда собираются черные тучи, обычно идет дождь. Черные тучи собираются. Поэтому (вероятно) скоро пойдет дождь» [Sellars, 1969, p. 84–85]. Только в этом случае можно быть уверенным в корректности вероятностного вывода с оговоркой Селларса «если всерьез принять идею о том, что существует такая вещь, как вероятность» [Ibid., p. 92].

Как видим, идеи Гемпеля в области логики подтверждения вызвали отклик среди многих влиятельных представителей аналитической философии, включившихся в обсуждение проблем отношения индуктивного и дедуктивного вывода, значения для них эмпирической основы исследований и примеров как одного из подручных средств логического моделирования явлений.

Пример как форма логической провокации. Парадокс воронов

Итак, примеры могут выступать в роли «релевантных данных», способствующих подтверждению или опровержению гипотезы и утверждению ее предсказательных возможностей, и в этом качестве пример участвует в процедурах верификации или фальсификации теории. Метод индуктивного вывода представляется способом продвижения от отдельных случаев подтверждающего свидетельства к утверждению общей гипотезы на основаниях вероятностного обобщения. Но Гемпель увидел в подобных подкрепляющих свидетельствах нетривиальные отношения и логически оформил это в своем знаменитом «парадоксе воронов». Как шутит по этому поводу Куайн, цвет иногда производит впечатление на человека; черный цвет ворона впечатлил Гемпеля [Quine, 1969, p. 14].

Гемпель формулирует этот парадокс в третьей части «Логики подтверждения» в главе «Парадоксы подтверждения»: «любой нечерный не-ворон представляет собой подтверждающий случай для гипотезы “Все вороны черные”» [Гемпель, 1998, с. 54]. В радикальной интерпретации этот парадокс принимает форму утверждения, что любой красный карандаш, любой зеленый лист, любая желтая корова и т.д. становится вписывающимся в гипотезу «все вороны черные». Происходит бесконечное расширение множества подтверждающих случаев, интуитивно неочевидных для исходного аргумента, которые включаются в цепную реакцию новых и новых подтверждений: белые башмаки, зеленые русалки и красные селедки также поддерживают предположение, что все вороны окажутся черными. Гемпель задает вопрос: что делать с такого рода подтверждениями?³

Парадокс воронов выявляет несоразмерность логического и интуитивного порядков, которые формируются в разных измерениях эмпирического опыта. Этот пример демонстрирует преимущества

³ Для У. Куайна в этом парадоксе есть нечто «логически отвратительное» (“logically repugnant”) [Quine, 1969, p. 7]. Я. Хинтикка в своих комментариях к «этой неловкой ситуации» (“this embarrassing situation”) употребляет выражение «“неправильные” положительные примеры» (“the ‘wrong’ kinds of positive instances”) – множество случаев нечерных не-воронов, по его мнению, относится к фоновой информации, содержащей косвенное, но «строго бесполезное» подтверждение [Hintikka, 1969, p. 27]. Хинтикка ищет способы обосновать «ту легкость, с которой мы, по-видимому, в реальных индуктивных ситуациях можем делать предположения, которые равносильны предположениям упорядочения» и предполагает, что есть логическое выражение «хитрости разума в реально функционирующем сознании, которое с легкостью обходит этот парадокс» [Ibid.]. Ч. Уитли считал выводы Гемпеля не парадоксальными, но ложными [Whiteley, 1945, p. 156].

«легких путей» обыденного сознания, пренебрегающего неоправданно осложненными способами логического обоснования. С позиции хорошо организованного здравого смысла мы признаем, что «все вороны черные» не потому, что перебрали все множество «нечерных не-воронов», но потому что заранее согласились с «индуктивными рисками», которые могут быть скорректированы в ходе наблюдений.

В процессе обсуждения парадокса воронов Гемпелю в полемике с его оппонентами, напр., с И.Дж. Гудом, приходилось доказывать, что «белый ботинок не является красной селедкой, в конце концов», – часть этого тезиса была вынесена в название его статьи «The White Shoe: No Red Herring» [Hempel, 1967, p. 240]. Отметим только, что современная реальная научная практика нарушила эту границу формально невозможных объектов и стала экзистенциальной и этической проблемой нарушения запретов в практике современной науки, например, в области генетики.

Онтологические обязательства и экзистенциальная нагрузка

Термин «онтологические обязательства» появляется в «Дилемме теоретика», Гемпель заимствует его у Куайна, ссылаясь на его статью «О том, что есть» из сборника «С точки зрения логики». Смысл этих обязательств определяется «отношением теории только с теми сущностями, на которые должны ссылаться связанные переменные теории, чтобы ее утверждения были истинными» [Quine, 1961, p. 13–14]. Гемпель согласен с тем, что логические утверждения не предполагают иного онтологического статуса «теоретических сущностей»: «универсальное условное предложение, в смысле современной логики, не обладает экзистенциальной нагрузкой» [Гемпель, 1998, с. 49] и подкрепляет это положение примером. С точки зрения Гемпеля, предложение «русалка – зеленая» не подразумевает существования зеленой русалки, «оно только утверждает, что любой объект или вообще не является русалкой, или является зеленой русалкой» [Там же]⁴.

Примеры Гемпеля с эпидемией дифтерии и астрофизической гипотезой позволяют ему продемонстрировать, что «обычная формулировка общих гипотез в эмпирической науке не только не содержит

⁴ Р. Нозик высказывается в том же духе: «интуитивная привычка наделять экзистенциальным смыслом логический вывод не состоятельна: «из того, что Р считает, что... х... не следует, что х существует, из того, что Р считает, что р, не следует, что р истинно» [Nozick, 1969, p. 138].

предложений существования, но и, как правило, даже неявно не ссылаются на такие предложения... В конце концов можно сказать, что многие универсальные гипотезы вообще не подразумевают предложений существования» [Гемпель, 1998, с. 50]. В этом смысле пример является дополняющим логическую конструкцию своего рода мыслительным экспериментом и вполне легитимным коррелятом логических отношений.

Можно ли в контексте логики подтверждения Гемпеля ставить вопрос о том, в чем состоит объективное содержание гипотезы? Гемпель уже рассуждал в этом направлении, когда отвечал на вопрос о том, не является ли представление о «подтверждающей совокупности эмпирических данных» – как объективных критериях подтверждения теории – «ошибочным допущением» [Там же, с. 40]. Решение этого вопроса, на наш взгляд, для Гемпеля определяется его пониманием истины.

В своей ранней статье «Теория истины логического позитивизма» Гемпель описывает, как меняется представление об истине, от корреспондентской теории к когерентной, у участников Венского кружка М. Шлика, О. Нейрата и Р. Карнапа. Статья была основательно раскритикована Б. Расселом. В комментарии к этой работе Гемпеля, переизданной через шестьдесят с лишним лет, проф. Р. Джеффри отмечает: «В 1955 году Гемпелю все еще было мучительно вспоминать об этих эссе, которым тогда было уже двадцать лет, – возможно, из-за презрения и насмешек, которые обрушил на них Бертран Рассел» [Hempel, 2000, с. 7]⁵. Рассел не мог согласиться с Гемпелем в том, что признание того, что «эмпирический факт А имеет место», означает только то, что «пропозиция А имеет место», и, следовательно, не факты согласуются с другими фактами, а разные высказывания о фактах между собой. Действительно, если М. Шлик мог позволить себе использовать «старое доброе выражение “согласие с реальностью”» [Schlick, 1934, р. 85–86], то Гемпель употребляется выражение «так называемые “факты” и “реальность”», которое проявляет степень его осторожности в обращении с этими понятиями. Гемпель разделяет довод Нейрата о том, что трудно объяснить, каким образом осуществляется сравнение предложений и фактов и сомневается, что существуют «надежные точки соприкосновения знания и реальности» [Гемпель, 2009, с. 332]. В «Логике подтверждения» Гемпель в том же духе утверждает, что проверка гипотезы является «предметом столкновения предложений скорее с предложениями, чем с “фактами”» [Гемпель, 1998, с. 83].

⁵ Это, иронизирует Рассел, может привести к тому, что эмпирическая истина может быть подчинена мнению соседей или определяться точкой зрения полиции, и даже к тому, что Нейрат окажется изгнанником [цит. по: Hempel, 2000, р. 7].

Для Гемпеля такие выражения как «стрелка сейчас находится на отметке 5» или «это старое немецкое литературное слово», или «этот исторический документ датируется семнадцатым веком» не являются примерами протокольных предложений, он полагает, что все они принимаются «посредством тренировки и упражнений» по тому же принципу, по которому ребенок приучается выплевывать косточки от вишни [Гемпель, 1998, с. 332–333]. Такие примеры не являются фиксированными «фактами», скорее они являются согласованными теоретическими утверждениями. По сути именно Гемпель, начиная с ранней своей работы 1935 г., формулирует принципы конвенциональной теории истины, и его критика корреспондентской теории истины со временем только получает дополнительное обоснование. Ряд примеров Гемпеля можно определить как утверждения о фактах другого порядка, которые он называет «событиями»: детские крестовые походы, Октябрьская революция, убийство Цезаря, цена хлопка на бирже, количество вариантов слова «пчела» в английском и французском языках [Hempel, 1977, p. 72–93]. Эти «факты», согласно Гемпелю, также имеют конвенциональную природу. Вероятностно-статистическая модель объяснения, которую Гемпель предлагает для их анализа, нашла критический отклик у У. Дрея, Р. Джеффри, Д. Кима, Д. Дэвидсона, О. Назаровой и др. [Dray, 1957; Jeffrey, 1969; Kim, 1969; Davidson, 1969; Назарова, 1998]. Примеры такого рода перестают быть простыми случаями наблюдений, они являются «теоретическими сущностями» и потому, проанализировав целый ряд формальных редуктивистских программ, Гемпель приходит к выводу о том, отказ от теоретических терминов в пользу терминов наблюдения практически невыполним и, «что еще более серьезно», это «методологически невыгодно или даже смешно» [Гемпель, 1998, с. 185]. Примеры из истории, содержащей по преимуществу указание на события из прошлого, недоступные наблюдению и эксперименту, целиком зависят от объяснительных и предсказательных аналитических процедур, которые ученые, по выражению Гемпеля, осуществляют, «не впадая в веселье или уныние».

В «Дилемме теоретика», которая имеет подзаголовок «Опыт построения научной теории» (а один из параграфов называется «Некоторые примеры»), Гемпель задает вопрос о том, почему наука должна обращаться к теоретическим (и гипотетическим, в том числе) сущностям в то время, как она заинтересована в установлении предсказательных и объяснительных связей между наблюдаемыми обобщениями. Н. Решер, анализируя опыт Гемпеля в этой области, употребляет выражение «рациональная архитектоника»: «Наука – это не каталог наблюдаемых закономерностей. Она требует определенной рациональной архитектоники, связывающей множество эмпирических обобщений в рациональную структуру, в которой проявляется их концептуальная значимость» [Rescher, 1969, p. 186].

Действительно только теоретический контекст определяет содержание конкретного факта (примера), и потому вопрос о том, что означает его «адекватное» объяснение», по мнению Гемпеля, «полностью определяется философскими воззрениями исследователя» [Гемпель, 1998, с. 205].

Заключение

Использование в философском тексте примеров для Гемпеля связано с проблематикой отношения эмпирического и теоретического содержания в научном исследовании. Гемпель полагает, что следует приписывать фактуальный референт всем внелогическим терминам теории, если эта теория истинна» [Там же, с. 208], и пример в этом свете является вполне легитимным элементом теории. В работах Гемпеля мы находим множество примеров, которые выполняют различные функции: фиксируют явление, описывают его, иллюстрируют, упрощая или усложняя, какой-либо аспект теории. Примеры для Гемпеля являются элементом логики объяснения или логики подтверждения. Примеры вводят эмпирический материал, придают обсуждению наглядность, выступают формой демонстрации или дополнением какого-либо вывода, показывают границы применимости определенного правила или принципа (парадокс воронов связан с тем, что эти границы оказываются неопределенными, размытыми), проблематизируют определенные аспекты исследования. Наиболее часто встречающаяся функция примеров, – остенсивная, демонстративная. Самая сложная – мысленный эксперимент. Не случайно в такой роли выступает у Гемпеля его знаменитый парадокс, который невозможно сформулировать без опоры на «конкретный случай», но следствия из этого конкретного случая плохо согласовываются с обычными интуитивными ожиданиями.

Может ли пример выступать балластом исследования? Кант полагает, что именно в такой роли он чаще всего и выступает. Но иногда именно примеры позволяют автору философского текста выйти за границы строгого академического стиля. Порой философу удается поозорничать за счет примеров. Так, в работе, посвященной Гемпелю, Джегвон Ким моделирует ситуацию приумножения сущностей, когда пытается определить причину брачного союза неких Уилбура и Эдит. Сложности проявляются тогда, когда оказывается, что объяснить, почему Уилбур женился на Эдит, – не то же самое, что объяснить, почему Эдит вышла замуж за Уилбура [Kim, 1969, p. 210]. Пример нарицательный, и как с объяснительной, так и с каузальной точки зрения есть основания полагать, что здесь имеют место не одно, а два события. Примерами подобного рода изобилует сборник,

посвященный 65-летнему юбилею Карла Гемпеля, и они существенно сглаживают ситуацию критики в философских дискуссиях.

Что касается непосредственно нашего исследования значения примера для философии Карла Гемпеля, то, по-видимому, не случайно, эта тема потребовала реконструкции основных теоретических пунктов его философской программы.

Список литературы

Гегель, 2000 – *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа / Пер. с нем. Г.Г. Шпета. М.: Наука, 2000. 495 с.

Гемпель, 1998 – *Гемпель К.* Логика объяснения / Пер. с нем. О.А. Назаровой. Л.; М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998. 240 с.

Гемпель, 1977 – *Гемпель К.* Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении // *Философия и методология истории.* М.: Прогресс, 1977. С. 72–93.

Гемпель, 2009 – *Гемпель К.* Теория истины логического позитивизма // *Эпистемология и философия науки.* 2009. Т. XXI. № 3. С. 226–234.

Кант, 2006 – *Кант И.* Критика чистого разума // *Кант И.* Соч. на немецком и русском языках / Пер. с нем. Н.М. Мотрошиловой. Т. 2. Ч. 1. 2-е изд. (В). М.: Наука, 2006. 1082 с.

Милль, 1896 – *Милль Дж.С.* Автобиография. М.: Книжное дело, 1896. 281 с.

Милль, 1865 – *Милль Дж.С.* Система логики. Т. 1 / Пер. с англ. Ф. Резенера. СПб.: Изд. М.О. Вольфа, 1865. 554, VII с.

Назарова, 1998 – *Назарова О.* Приложение: Судьба идей Гемпеля во второй половине XX века // *Логика объяснения* / Пер. с нем. О.А. Назаровой. Л.; М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998. С. 221–237.

References

Carnap, 1967 – Carnap, R. *The Logical Structure of the World and Pseudoproblems in Philosophy*, trans. by R.A. George. Berkeley: University of California Press, 1967.

Davidson, 1969 – Davidson, D. “The Individuation of Events”, in: D. Davidson, N. Rescher (eds.) *Essays in honor of Carl G. Hempel.* Dordrecht: D. Reidel, 1969, pp. 216–134.

Dray, 1957 – Dray, W.H. *Laws and Explanation in History.* Oxford University Press, 1957.

Goodman, 1946 – Goodman, N. “A Query on Confirmation”, *The Journal of Philosophy*, 1946, vol. 43, no. 14, pp. 383–385.

Hegel, G.W.F. *Fenomenologiya dukha* [The Phenomenology of Spirit], trans. by G. Speth. Moscow: Nauka Publ., 2000. (Trans. into Russian)

Hempel, 1965 – Hempel, C.G. *Aspects of Scientific Explanation*. New York: The Free Press, 1965.

Hempel, C.G. “Motivy i ‘ohvatyvajushhie’ zakony v istoricheskom objasnenii” [Motives and “Encompassing” Laws in Historical Explanation], in: I. Kon (ed.) *Filosofija i metodologija istorii* [Philosophy and Methodology of History]. Moscow: Progress Publ., 1977, pp. 72–93. (Trans. into Russian)

Hempel, C.G. “Teorija istiny logicheskogo pozitivizma” [The Theory of Truth of Logical Positivism], trans. by O.A. Nazarova, *Epistemology & Philosophy of Science*, 2009, vol. XXI, no. 3, pp. 226–234. (In Russian)

Hempel, C.G. *Logika ob’yasneniya* [Aspects of Scientific Explanation], trans. by O.A. Nazarova. Leningrad; Moscow: Dom intellektual’noi knigi; Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., 1998. (Trans. into Russian)

Hempel, 2000 – Hempel, C.G. *Selected Philosophical Essays*, R. Jeffre (ed.). Cambridge University Press, 2000.

Hempel, 1967 – Hempel, C.G. “The White Shoe: No Red Herring”, *The British Journal for the Philosophy of Science*, 1967, vol. 18, no. 3 (Nov.), pp. 239–240.

Hintikka, 1969 – Hintikka, J. “Inductive Independence and the Paradoxes of Confirmation”, in: D. Davidson, N. Rescher (eds.) *Essays in Honor of Carl G. Hempel*. Dordrecht: D. Reidel, 1969, pp. 24–46.

Jeffrey, 1969 – Jeffrey, R. “Statistical Explanation vs. Statistical Inference”, in: D. Davidson, N. Rescher (eds.) *Essays in honor of Carl G. Hempel*. Dordrecht: D. Reidel, 1969, pp. 104–113.

Kant, I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], trans. by N. Motroshilova, in: I. Kant, Op. in German and Russian, vol. 2, p. 1. Moscow: Nauka Publ., 2006, 1082 pp. (Trans. into Russian)

Kim, 1969 – Kim, J. “Events and Their Descriptions: Some Considerations”, in: D. Davidson, N. Rescher (eds.) *Essays in Honor of Carl G. Hempel*. Dordrecht: D. Reidel, 1969, pp. 198–215.

Mill, J.S. *Avtobiografiya* [Autobiography]. Moscow: Knizhnoe delo Publ., 1896. (Trans. into Russian)

Mill, J.S. *Sistema logiki* [A System of Logic], trans. by F. Resener. Saint Petersburg: M.O. Wolf Publ., 1865, vol. 1. (Trans. into Russian)

Nasarova, O. “Prilozhenie: Sud’ba idei Gempelya vo vtoroi polovine XX veka” [Appendix: The Fate of Hempel’s Ideas in the Second Half of the XX Century], in: *Logika ob’yasneniya* [Aspects of Scientific Explanation], trans. by O.A. Nazarova. Leningrad; Moscow: Dom intellektual’noi knigi; Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo Publ., 1998, pp. 221–237. (Trans. into Russian)

Nozick, 1969 – Nozick, R. “Newcomb’s Problem and Two Principles of Choice”, in: D. Davidson, N. Rescher (eds.) *Essays in Honor of Carl G. Hempel*. Dordrecht: D. Reidel, 1969, pp. 114–146.

Quine, 1961 – Quine, W.V.O. *From a Logical Point of View: 9 Logico-Philosophical Essays*. New York: Harper Row Publ., 1961.

Quine, 1969 – Quine, W.V. “Natural Kinds”, in: D. Davidson, N. Rescher (eds.) *Essays in Honor of Carl G. Hempel*. Dordrecht: D. Reidel, 1969, pp. 5–23.

Rescher, 1969 – Rescher, N., “Lawfulness as Mind-Dependent”, in: D. Davidson, N. Rescher (eds.) *Essays in Honor of Carl G. Hempel*. Dordrecht: D. Reidel, 1969, pp. 178–197.

Salmon, 1969 – Salmon, W.C. “Partial Entailment as a Basis for Inductive Logic”, in: D. Davidson, N. Rescher (eds.) *Essays in Honor of Carl G. Hempel*. Dordrecht: D. Reidel, 1969, pp. 47–82.

Sellars, 1969 – Sellars, W. “Are There Non-Deductive Logics?”, in: D. Davidson, N. Rescher (eds.) *Essays in Honor of Carl G. Hempel*. Dordrecht: D. Reidel, 1969, pp. 83–103.

Schlick, 1934 – Schlick, M. “Über das Fundament der Erkenntnis”, *Erkenntnis*, 1934, vol. 4, pp. 79–99.

Whiteley, 1945 – Whiteley, C. H. “Paradoxes of Confirmation”, *Mind*, 1945, vol. 54, no. 214, pp. 156–158.